

Тъери, который получил шанс, потеряв,
снова найти

Моим родителям, уже ушедшим,
но незабвенным

Вначале я нахожу, потом ищу.

Пикассо

Да, я знаю, что, как бы то ни
было, моя судьба прекрасна.

А прежде утверждала, что она
жестока.

Генриетта Теодора Маркович

ПРЕДИСЛОВИЕ

НАХОДКА

Ее прислали по почте, плотно упакованную в пузырчатую пленку.

Тот же бренд, тот же размер, такая же гладкая кожа, но более красная, более мягкая, более фактурная.

Я подумала, что она ему понравится и, возможно, даже больше, чем предыдущая.

Он только что потерял записную книжку «Эрмес», более новую, чем эта, хотя, поскольку он постоянно перекладывал ее из кармана в карман, она сильно обтрепалась. Своего рода амулет, с инициалами Т.Д., к которому он буквально прикипел, физически и ментально...

Как всегда, когда он что-то теряет, а это бывает довольно часто, нужно поискать пропавшую вещь вместе с ним. Обычно я нахожу их довольно быстро: паспорт, ключи, мобильный телефон... Но записную книжку мы так и не нашли. Несколько дней спустя Т.Д. смирился с потерей и решил купить себе такую же.

«Увы, кожи такой выделки уже не бывает», — слегка огорченно, но твердо ответил вежливый продавец. Другие бы утешились книжкой с более зернистой, полосатой или крокодиловой обложкой. Но он никогда не отступал

Брижит Банкемун

ет. Он нашел свое счастье на *eBay*, в разделе «Небольшие винтажные изделия из кожи». Семьдесят евро. И через несколько дней она была у нас.

Одержимость — заразная болезнь: не успев заразиться, я захотела удостовериться, что записная книжка — точная копия той, потерянной. Я осмотрела ее со всех сторон. И раскрыла.

Продавец сменил основной блок, в котором предыдущий владелец, должно быть, записывал свои встречи, приглашения и потаенные мысли. Но маленькая адресная книжка так и осталась лежать во внутреннем кармане. Я машинально стала ее пролистывать. Не особенно вникая, всего через три странички я наткнулась на первое имя: «Кокто¹!» Да, Кокто: улица Монпансье, 36! Помню, что я задрожала, и у меня перехватило дыхание, когда на следующей странице обнаружила Шагала²: 22, площадь Дофина! Мои пальцы тем временем судорожно листали странички: Джакометти³, Лакан⁴... Перед моими глазами промелькнули имена: Арагон⁵, Бретон⁶, Brassai⁷, Брак⁸, Бальтус⁹, Элюар¹⁰, Леонор Фини¹¹, Лейрис¹², Понж¹³, Пуленк¹⁴, Синьяк¹⁵, де Сталь¹⁶, Саррот¹⁷, Тцара¹⁸... Двадцать страничек, на которых в алфавитном порядке выстроились имена величайших художников послевоенного времени. Двадцать страничек, которые нужно несколько раз перечитать, чтобы поверить своим глазам. Двадцать ошеломляющих страниц, заветный справочник сюрреализма и современного искусства. Двадцать страниц, которые восхищают и ласкают глаз. Двадцать страниц, которые я пролистываю, едва дыша, боясь увидеть, как они самоуничтожаются, или обнаружить, что это мне просто приснилось. И в конце концов датировать сокровище благодаря календарю на 1952 год, что доказывает, что куплена

Записная книжка Доры Маар

книжка была в 1951-м. Никогда я больше не упрекну Т.Д. в том, что он вечно все теряет.

Итак, понятно, что я захотела узнать, кто записал коричневыми чернилами все эти имена. Кто мог хорошо знать этих гениев двадцатого века и вращаться среди них? Несомненно, тоже гений!

Было бы честнее признать, что на самом деле я сама ничего не решала. Эту записную книжку я не выбирала, она ворвалась в мою жизнь, свалилась как снег на голову, она мне навязалась...

И вот я в ловушке, не в силах сопротивляться этим именам, как полицейская собака, которую заставляют вбирать в себя запах пропавшего человека... Ищи... Ищи...

Я пустилась по следу еще до того, как узнала, кто записал эти адреса. Пораженная этими дружескими связями, я бросилась в погоню за призраком, еще не ощутив его частью своей жизни. Я пока не знала имени этого человека, а страницы адресной книжки представлялись мне замочной скважиной, через которую я наблюдала за исчезнувшим миром, не похожим ни на один другой.

Мишель С. Ла Шапель Казильяк

Судя по почтовому штемпелю, пакет прибыл из городка Брив-ла-Гайард. Как все эти парижские адреса могли попасть в Брив-ла-Гайард?

В объявлении, размещенном на *eBay*, уточнялось, что продавец — антиквар, поселившийся в деревушке Казильяк, примерно в тридцати километрах от Брив-ла-Гайард, очаровательной деревушке департамента Ло, среди зеленых долин Мартеля. Казильяк, население которого составляет менее пятисот человек, известен лишь немногим своей церковью в романском стиле, башней двенадцатого века, умывальнями, хлебопекарней и памятным крестом, который символически обозначает 45-ю параллель, середину пути от Северного полюса до экватора. Вот откуда явилась моя записная книжка! Из точки, затерянной на Земле, но расположенной ровно посреди нашего полушария.

Я все-таки нашла имя художника-сюрреалиста из этих мест. Но кто знал Шарля Брейля? Очевидно, что ни Бретон, ни Брак, ни Бальтус...

Записная книжка Доры Маар

В этих местах бывала Эдит Пиаф¹⁹. В 1950-х Воробышек много раз останавливалась в доме отдыха в нескольких километрах от Казильяка. С наступлением ночи она приходила молиться в маленькую полуразрушенную церковь, притулившуюся к скале. Она даже якобы финансировала ремонт витражей, заставив священника пообещать никому ничего не рассказывать о ее жизни. Так, может, это была Пиаф? Она дружила с Кокто, она познакомилась с Арагоном при Освобождении, а Брассай ее фотографировал.

Но, очень быстро откликнувшись на мое первое обращение, продавец записной книжки резко пресекала все мои домыслы относительно Пиаф в Казильяке: «Несколько лет назад я купила две записные книжки “Эрмес” на прекрасном аукционе в Сарла, в Перигоре. Я больше ничего не знаю, но я знакома с аукционистом и могу спросить, не располагает ли он информацией о продавцах. Ничего вам не обещаю, но буду держать вас в курсе».

Она сдержала обещание: через месяц сообщила, что записную книжку продала дама из Бержерака, которая передала ее вместе с другими предметами аукционисту. Мишель также выяснила точную дату аукциона в Сарла: 24 мая 2013 года.

Чтобы побольше разузнать, она предложила мне связаться с аукционистом. Но это оказалось не так-то просто: то он был в отпуске, то очень занят. И вот наконец, явно не испытывая интереса к истории записной книжки, он ответил: «Я плохо знаю эту пару продавцов, к тому же они недавно переехали и живут довольно далеко отсюда. Мне представляется, что у них отсутствует связь с владельцами этих записных книжек. Либо они не хотят об этом слышать».

Брижит Банкемун

Он и сам, по всей видимости, «не хотел об этом слышать». В нескольких словах, а затем в двух или трех разговорах он постарался заблокировать мне доступ к бывшим владельцам.

Чтобы умаслить его, я рассказала о том, что мой отец тоже был аукционистом. Я даже не солгала! В детстве я проводила целые дни, играя среди мебели из формики и провансальских шкафов, открывая заржавевшие сундуки и выдвигая скрипучие ящики. Я всегда надеялась найти спрятанное сокровище, затерявшееся среди старых альбомов, карманных часов на цепочках и ключей или под стопками все еще крахмальных простыней. Я помню этот немного едкий запах пыли, облачка желтых опилок из изъеденного червями дерева. Мне доводилось слышать о «заброшенных поместьях», и меня огорчала судьба людей, что умирали в одиночестве и чья распроданная мебель разъезжалась субботним утром на все четыре стороны. Я помню лоты по одному, по пять франков, моего отца, который как будто играл с молоточком, выкрикивая «продано!», и покупателей, которые ликовали, выиграв аукцион. Один из друзей отца называл аукционы «казино бедняков».

Потому-то я и настаивала в беседах с аукционистом из Сарла. Я заверяла, что знаю его профессию... понимаю его этику... я сочувствую, я сожалею... Но он был все так же несговорчив. Невозможно было вырвать у него новый адрес продавцов или хотя бы узнать, какие еще предметы они передали ему на продажу. Он лишь согласился переслать им письмо, на которое они так и не ответили. И сам перестал отвечать на мои письма.

«Это деликатная просьба, и юридически я не имею права ее удовлетворить, не накликав на себя неприятности».

Юридически он был прав. Мой отец это подтвердил: «Имена продавцов — конфиденциальная информация». Кажется, это был один из последних наших серьезных разговоров... Правда, отец считал нелепым делать тайну из происхождения такой скромной вещицы. Уж он-то был бы поговорчивее. Потом заключил, улыбаясь: «Все-таки это не какой-нибудь Пикассо, эта твоя вещица!» А вдруг?.. Я проверила: увы, между почерком из записной книжки и почерком Пикассо не было ничего общего.

Но, заинтригованная его замечанием, я внимательнее перечитала последнее письмо аукциониста. Для чего ему понадобилось говорить мне, что он плохо знает эту пару? Ему известно даже то, что они недавно переехали «довольно далеко отсюда»! И, видимо, он позвонил им, раз с такой уверенностью заявил, что «у них отсутствует связь с владельцами этой записной книжки» и что они «больше не хотят об этом слышать»!

Почему они скрываются? Аукционист не задал мне ни одного вопроса о самой записной книжке. А мои вопросы его смутили.

Он не подозревал, с какой энергией может взяться за свалившуюся с неба загадку такой упертый человек, как я. Он не знал, что для меня эта книжка — сокровище! И даже если дверь аукционного зала Сарла закрылась, моя записная книжка осталась открытой для самых неожиданных обретений, какие только можно себе представить.

Непреренно существует объяснение, причина, по которой однажды в Бержерак некто, достав этот красный кожаный футляр, принял решение продать вещицу, даже не подумав извлечь из нее все содержимое. Возможно, достаточно найти этот Бержерак на карте: в префектуре Дордонь, в центре Перигора, всего в ста километрах от

